This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1460.4.5

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

ДУМЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

ЧЕТВЕРТОЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

(Historische Gesänge von K. F. Ryljeew.
Vierte vollständige Ausgabe.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.
1879.

Slav 1460.4.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
FEB 13 1940

I.

ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ.

Рурикъ, основатель Россійскаго Государства, умирая (въ 879 г.), оставилъ малолѣтняго сына, Игоря, подъ опекою своего родственника, Олега. Опекунъ мало по малу сдѣлался самовластнымъ владѣтелемъ. Время его правленія примѣчательно походомъ къ Константинополю, въ 907 году. Лѣтописцы сказываютъ, что Олегъ, приплывъ къ стѣнамъ Византійской столицы, велѣлъ вытащить ладьи на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и, развернувъ паруса, подступилъ къ городу. Изумленные Греки заплатили ему дань. Олегъ умеръ въ 912 году. Его прозвали Вѣщимъ (мудрымъ).

ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ.

1.

Наскучивъ мирной тишиною,
Собралъ полки Олегъ
И съ ними полетѣлъ грозою
На Цареградскій брегъ.

2.

Покрылся быстрый Днѣпръ ладьями,
Въ брегахъ крутыхъ взревѣлъ
И подъ отважными рулями
Напѣнясь закипѣлъ.

3.

Дружина храбрая героевъ
На славныя дѣла,
Сгарая пылкой жаждой боевъ,
Съ веселіемъ текла.

4.

Въ пути ей не были преграды
Кремнистыхъ горъ скалы
Днѣпра подводныя громады,
Ни ярыхъ водъ валы.

5.

Сѣдый Олегъ, шумящей птицей,
Въ Евксинъ черезъ Лиманъ —
И предъ Леоновой столицей
Разкинулъ грозный станъ!

6.

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна.
И кровь повсюду заструилась;
Вездѣ кипитъ война!

7.

Горятъ деревни, селы пышутъ,
Прахъ вьется средь долинъ;
Въ сердцахъ убійствомъ хладнымъ ды-
Варягъ и Славянинъ. [шутъ

8.

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развратила,
Нѣтъ мужества въ сердцахъ.

9.

Ихъ Императоръ самовластный
Въ чертогахъ трепеталъ
И въ Астрологіи, несчастный!
Спасенія искалъ.

10

Межъ тѣмъ замысливъ приступъ смѣ-
Ладьи свои Олегъ, [лый,
Развивъ на каждой парусъ бѣлый,
Вдругъ выдвинулъ на брегъ.

11.

„Идемъ, друзья!“ — рекъ Князь Россіи
Геройскимъ племенамъ —
И шелъ по сушѣ къ Византіи,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

12.

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая тронъ,
Пословъ и дань — за миръ позорный,
Къ Олегу шлетъ Леонъ.

13.

Объятый праведнымъ презрѣньемъ
Беретъ Князь Русскій дань;
Даритъ Леона примиреньемъ —
И прекращаетъ брань.

14.

Но въ трепетъ гордой Византіи
И въ память всѣмъ вѣкамъ,
Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи
Къ Царь-градскимъ воротамъ.

15.

Успѣхомъ подвиговъ довольный
И славой въ тѣхъ краяхъ,
Олегъ помчался въ градъ престольный
На быстрыхъ парусахъ.

16.

Народъ узрѣвъ съ крутаго брега
Возвратъ своихъ полковъ,
Прославилъ подвиги Олега
И восхвалилъ Боговъ.

17.

Весь Кіевъ въ пышномъ пированьѣ
Восторгъ свой изъявлялъ
И Князю Вѣщаго прозванье
Единогласно далъ.

II.

ОЛЬГА

при

МОГИЛѢ ИГОРЯ.

Игорь, сынъ основателя Россійскаго Государства, Рурика, принялъ правленіе въ 912 году. Первымъ его подвигомъ было усмиреніе возмутившихся Древлянъ Сіе народное Славянское племя обитало въ лѣсахъ нынѣшнѣй Волынской Губерніи. Игорь наложилъ дань, которую Древляне платили до 945 года. Въ сіе время ему захотѣлось умножить сборъ, Древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погибъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, нагнувши ихъ и такимъ образомъ разорвали надвое. По немъ остался малолѣтній сынъ, Святославъ. Супруга его Ольга, правила Государствомъ около десяти лѣтъ; скончалась въ 969 году. Церковь причла ее къ лику Святыхъ женъ.

ОЛЬГА

при

МОГИЛѢ ИГОРЯ.

Осенній вѣтеръ бушевалъ
Крутя деревъ листами,
И сосны древнія качалъ
Надъ мрачными холмами.
Съ поляны всталъ сѣдой туманъ
И все сокрылъ отъ взгляда;
Лишь Игоревъ сипѣлъ курганъ,
Какъ грозная громада.

Слетала быстро ночь съ небесъ;
Луна межъ тучъ всплывала,
И изрѣдка въ дремучій лѣсъ,
Иль въ долъ лучемъ сверкала.
Настала полночь... Вдругъ вдали,
Какъ шелестъ по полянѣ...
То Ольга съ Святославомъ шли
И стали при курганѣ

И долго мудрая въ тиши
Стояла предъ могилой,
Съ волненьемъ горестной души
И съ думою унылой.
О прошломъ, плавая въ мечтахъ,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснулъ въ ея очахъ
И мудрая вѣщала:

„Мой сынъ! здѣсь палъ родитель твой —
Вотъ храбраго могила!
Но слезъ не лей: я местью злой
Древлянамъ заплатила
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рѣкой,
Тутъ, мнится, не обсохла!“...

„Такъ, сынъ мой! Игорь отомщенъ;
Моя спокойна совѣсть;
Но самъ виновенъ въ смерти онъ —
Внемли объ оной повѣсть:
Уже надменный Грекъ, смиренъ
Кровопролитной бранью,
Покой отъ Сѣверныхъ племенъ
Купилъ позорной данью.

„И Игорь, бросивъ мечъ и щитъ
Къ подножію кумира,
Молилъ Перуна, да хранитъ
Ненарушимость мира.
Изъ града въ градъ вездѣ текла
Его дѣяній слава,
И счастьемъ мирнымъ процвѣла
Обширная Держава.“

„Вдругъ Князя гордая душа
Покой пренебрегаетъ
И къ золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляетъ.
Дружины собралися въ станъ,
Въ доспѣхахъ ярой брани,
И полетѣли въ край Древлянъ,
Сбирать покорства дани.“

„Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Сталъ вновь налоги брать съ земли,
Съ дружиной своевольной.
— О, Князь! — народъ ему вѣщалъ,
Чего еще желаешь?...
Отъ насъ послѣднее ты взялъ —
И насъ же угнетаешь! —“

„Но Князь не внялъ моленьямъ симъ —
И угнетенныхъ племя
Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.
— Погибель хищнику, друзья!
Пускай падетъ онъ мертвой!
Его сразитъ стрѣла моя,
Иль всѣ мы будемъ жертвой! —“

„Древлянскій Князь твердилъ въ лѣ-
Отважные возстали [сахъ...
И съ дикой яростью въ сердцахъ,
На Игоря напали.
Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ: виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести!“

„Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ Князь, чѣмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ
И жить въ вѣкахъ достоинъ!“ —
Такъ Князю-отроку рекла
И поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ тихо потекла
Ко дремлющему стану.

III.

СВЯТОСЛАВЪ.

Святославъ, сынъ Русскаго Князя Игоря Рюриковича, принялъ правленіе около 955 года. Въ Исторіи славны походы его въ Болгарію Дунайскую и битвы съ Греками. Передъ одною изъ сихъ послѣднихъ Святославъ воспламенилъ мужество своихъ воиновъ слѣдующею рѣчью: „Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ Отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу голову, дѣлайте, что хотите!“ Возвращаясь въ Отечество, Святославъ (въ 972 г.) зимовалъ у Днѣпровскихъ пороговъ; на него напали Печенѣги и Герой погибъ. Враги сдѣлали чашу изъ его черепа.

СВЯТОСЛАВЪ.

И одинока, и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ брегомъ быстраго Дуная:
Ея перловые лучи
Станъ усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратниковъ ряды дремали.

Съ отвагой съ сердцѣ и въ очахъ
Младой Гусаръ вдали отъ стана,
Закутанъ буркой, на часахъ
Стоялъ на высотѣ кургана.
Предъ нимъ на острову рѣки
Шатры Турецкіе бѣлѣли;
Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухѣ шумѣли.

Въ давно минувшихъ временахъ
Крылатой думою летая,
О прошлыхъ онъ мечталъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на брегахъ Дуная.
„На сихъ степяхъ, такъ воинъ пѣлъ,
Съ Цимискіемъ въ борьбѣ кровавой,
Не разъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

По манію его руки
Безстрашный Россъ, пылая местью
На грозные враговъ полки
Леталъ — и возвращался съ честью
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовой,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.

Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ,
Земля подъ войлокомъ одромъ,
А пищею конина въ голодъ.
„Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!
Гремѣлъ Герой на бранномъ полѣ,
Позоръ на мертвыхъ не падетъ;
Намъ биться волей, иль неволей...

Сразимся-жъ, храбрые, смѣлѣй;
Не посрамимъ отчизны милой —
И груды вражескихъ костей
Набросимъ надъ своей могилой!“ —
И горсть Славянъ на тьмы враговъ
Текла — Вождя послышавъ голосъ —
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ!...

Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавой;
Двѣнадцать разъ Герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились грудами тѣла,
И Грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью Героя!

Закинувъ на спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы;
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролитьемъ новой битвы
Столь дивной изумленъ борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

И къ славѣ Сѣверныхъ племенъ
И Цареградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доростола.
О Князь, давно изтлѣлъ твой прахъ;
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окриляетъ наши войски!

Онъ тамъ, гдѣ пылъ войны кипитъ,
Орломъ ширяясь передъ строемъ,
Чудесной силою творитъ
Вождя и ратника героемъ!
Но что?... Ужъ вспыхнула заря!...
Взгремѣла пушка вѣстовая —
И войска Бѣлаго Царя
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовутъ на пиръ кровавой...
Туда, мой конь, гдѣ саблей стукъ,
Гдѣ можно пасть, вѣнчавшись славой!"...
Гусаръ умчался... громъ взревѣлъ!
Свистя, сшибалися картечи,
И смѣло строй на строй летѣлъ,
Ища съ врагами ярой сѣчи...

Вдругъ крови хлынула рѣка...
Отважный Вейсманъ палъ, но съ честью;
И рой наѣздниковъ полка
На Мусульманъ ударилъ местью.
Враги смѣшались, дали тылъ —
И поле трупами покрыли,
И Русской знамя водрузилъ,
Гдѣ Грековъ праотцы громили.

IV.

СВЯТОПОЛКЪ.

Святополкъ, сынъ Ярополка Святославича, усыновленный Владиміромъ Великимъ. Сей властолюбивый Князь захватилъ Велико-княжескій престолъ и умертвилъ своихъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава (въ 1015 году). Ярославъ Владимировичъ, Князь Новгородскій, послѣ продолжительныхъ междоусобій, разбилъ его на берегахъ рѣки Альшы. Святополкъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россійскихъ, скитался въ пустыняхъ Богеміи, разслабъ душею и тѣломъ, и кончилъ жизнь въ припадкахъ ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, безпрерывно его преслѣдующіе. Проклятіе современниковъ увѣковѣчило память о Святополкѣ. Лѣтописи называютъ его Окаяннымъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепремъ встрѣчался —
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры:
Страдальцу мнилось: ты злодѣй!
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
Злодѣй! казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ
И кончилъ дни свои страдая...
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ Святаго Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ Окаяннаго прозванье!

И въ страшной повѣсти объ немъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:
„Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью!“

V.

РОГНЂДА.

Около 970 года Варягъ Рогволодъ, оставивъ Отечество, поселился въ Полоцкѣ, главномъ городѣ тогдашней области Кривской. Онъ имѣлъ прекрасную дочь, по имени Рогнѣду или Гориславу: ее сговорили за Великаго Князя Ярополка Святославича. Братъ его Владиміръ Великій, взявъ Полоцкъ (въ 980 г.) умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и насильно понялъ Рогнѣду. Отъ ней родился сынъ, Изяславъ. Въ послѣдствіи Владиміръ разлюбилъ жену, выслалъ ее изъ дворца и заточилъ на берегу Лыбеди, въ окрестностяхъ Кіева. Однажды, гуляя въ сихъ мѣстахъ, Князь заснулъ крѣпко: мстительная Рогнѣда, приблизившись хотѣла нанести ему смертельный ударъ; но Владиміръ проснулся. Въ ярости онъ захотѣлъ казнить несчастную, велѣлъ ей надѣть брачную одежду и, сидя на богатомъ ложѣ, ожидать казни. Входитъ Владиміръ; юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, бросается къ нему и подаетъ мечь: „Родитель!

— говоритъ онъ — ты не одинъ; сынъ твой будетъ свидѣтелемъ твоей ярости.“ Изумленный Владиміръ простилъ Рогнѣду, и вмѣстѣ съ сыномъ отправилъ ее въ новопостроенный городъ, насванный имъ Изяславлемъ. Сіе произшествіе описано въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ.

РОГНѢДА.

Потухъ послѣдній солнца лучь;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то изъ-за тучь,
Какъ стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблиставъ порой,
Надъ берегомъ Лыбеди скромной
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На теремъ пышный и огромной.

Все было тихо... лишь потокъ,
Журча, рокталъ между кустами,
И перелетный вѣтерокъ
Въ дубравѣ шелестилъ вѣтвями.
Какъ мѣсяцъ утренній блѣдна,
Рогнѣда въ горести глубокой
Сидѣла съ сыномъ у окна,
Въ свѣтлицѣ ясной и высокой.

Отъ вздоховъ подъ фатой у ней
Младыя перси трепетали,
И изъ потупленныхъ очей,
Какъ жемчугъ, слезы упадали.
Глядѣлъ невинный Изяславъ
На мать умильными очами,
И къ персямъ матери припавъ,
Онъ обвивалъ ее руками.

„Родимая! твердилъ онъ ей
Ты все печальна, ты все вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать;
Твои мнѣ слезы видѣть больно;
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдругъ и я невольно.

„Ты-бъ лучше разсказала мнѣ
Дѣянья дѣда Рогволода,
Какъ онъ сражался на войнѣ,
И о любви къ нему народа.“
— „О комъ, мой сынъ, напомнилъ ты?
Что отъ меня узнать желаешь?
Какія страшныя мечты
Ты симъ въ Рогнѣдѣ пробуждаешь!

„Но такъ и быть — исполню я,
Мой сынъ, души твоей желанье:
Пусть Рогволодовъ духъ въ тебя
Вдохнетъ мое повѣствованье;
Пускай оно въ груди младой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твой родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье...

„Родитель мой, твой славный дѣдъ,
Отъ тѣхъ Варяговъ происходитъ,
Которыхъ дивный рядъ побѣдъ
Міръ въ изумленіе приводитъ.
Покинувъ въ юности своей
Дремучей Сканіи дубравы,
Вступилъ онъ въ землю Кривичей
Искать владычества и славы.

„Народы мирной сей страны
На гордыхъ пришлецовъ возстали,
И смѣло грозныхъ чадъ войны
Въ рукахъ съ оружіемъ встрѣчали...
Но тщетно! роковой удѣлъ
Обрекъ въ подданство ихъ герою —
И скоро дѣдъ твой завладѣлъ
Обширной Сѣвера страною.

„Воздвигся Полоцкъ. Рогволодъ
Привѣтливо и кротко правилъ,
И привязавъ къ себѣ народъ,
Власть Князя полюбить заставилъ...
При Рогволодѣ Кривичи
Томились жаждой дѣлъ великихъ;
Сверкали въ дебряхъ ихъ мечи,
Литовцевъ поражая дикихъ.

„Иноплеменные Цари
Союза съ Полоцкомъ искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вмѣняли.“ —
Но шумъ раздался у крыльца...
Рогнѣда повѣсть прерываетъ,
И видитъ: пылъ и потъ съ лица
Гонецъ усталый отираетъ.

„Княгиня! онъ вѣщалъ, войдя:
Гоня звѣрей въ дубравѣ смежной,
Владиміръ посѣтитъ тебя,
Прибудетъ въ теремъ сей прибрежной.“
— „И такъ онъ вспомнилъ объ женѣ...
Но не желаніе свиданья —
О нѣтъ! влечетъ его ко мнѣ
Одна лишь близость разстоянья!“

Вѣщала — и сверкнулъ въ очахъ
Негодованья пламень дикій.
Межъ тѣмъ ужь пронеслись въ поляхъ
Совы полуночныя крики...
Сгустился мракъ... луна чуть, чуть
Лучемъ трепещущимъ свѣтила;
Холодный вѣтеръ началъ дуть,
И буря страшная завыла!

Лыбедь вскипѣла межъ бреговъ;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Дождь проливной изъ облаковъ,
И градъ и вихорь зашумѣли —
Скопились тучи... и съ небесъ
Вилася молнія змiею;
Громъ грохоталъ, отъ молній лѣсъ
То здѣсь, то тамъ пылалъ порою...

Внезапно съ бурей звукъ роговъ
Въ долинѣ глухо раздается:
То вдругъ замолкнетъ средь громовъ,
То снова съ вѣтромъ пронесется...
Вотъ звуки ближе и громчѣй...
Замолкли... снова загремѣли...
Вотъ топотъ скачущихъ коней,
И всадники на дворъ взлетѣли.

То былъ Владиміръ На крыльцѣ
Его Рогнѣда ожидала;
На сумрачномъ ея лицѣ
Невѣдомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписавъ,
Герой супругу лобызаетъ,
И сына милаго обнявъ,
Его привѣтливо ласкаетъ.

Отводятъ отроки коней...
Съ Рогнѣдой Князь идетъ въ палаты,
И вотъ, въ кругу богатырей,
Садится онъ за пиръ богатый.
Подъ тучнымъ вепремъ столъ трещитъ,
Покрытый скатертію браной;
Отъ яствъ прозрачный паръ летитъ.
И вьется по избѣ брусяной.

Звѣздясь, янтарный медъ шипитъ,
И ходитъ чаша круговая.
Всѣ веселятся... но груститъ
Одна Рогнѣда молодая.
„Воспой дѣянья предковъ намъ!“
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
И вѣщія зарокотали.

Онъ славилъ Рюрика судьбу,
Пѣлъ Святославовы походы,
Его съ Цимискіемъ борьбу
И покоренные народы:
Пѣлъ удивленіе враговъ,
Его нетрепетность средь боя,
И къ славѣ пылкую любовь,
И смерть, достойную Героя...

Бояна пламеннымъ словамъ
Герои съ жадностью внимали,
И праотцевъ чудясь дѣламъ,
Въ восторгѣ пылкомъ трепетали.
Пѣвецъ умолкнулъ... но опять
Онъ пробудилъ живыя струны,
И началъ Князя прославлять,
И грозные его перуны:

„Дружины чуждыя громя
Давно-ль наполнилъ славой бранной
Ты дальной Нейстріи поля
И Альбіона край туманной?
Давно ли отъ твоихъ мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрыхъ Кривичей
Преобратилися въ пустыни?

„Самъ Рогволодъ“... Вдругъ тяжкій
И вопль отчаянья Рогнѣды [стонъ
Перерываютъ гуслей звонъ
И радость шумную бесѣды...
„О, успокойся, другъ младой!
Вѣщалъ сй Князь — не слезъ достоинъ,
Но славы, кто въ странѣ родной
И жилъ, и кончилъ дни, какъ воинъ.

„Воскреснетъ храбрый Рогволодъ
Въ дѣлахъ и въ чадахъ Изяслава,
И пролетитъ изъ рода въ родъ
Объ немъ, какъ громъ гремящій,
[слава.“ —
Рогнѣды видъ покойнѣй сталъ;
Въ очахъ остановились слезы:
Но въ нихъ какой-то огнь сверкалъ,
И на щекахъ пылали розы...

При стукахъ чашъ, Боянъ поетъ,
Вновь тѣшитъ Князя и дружину...
Но конченъ пиръ — и Князь идетъ
Въ великолѣпную одрину.
Снявъ мечь, висѣвшій при бедрѣ,
И вороненыя кольчуги,
Онъ засыпаетъ на одрѣ,
Въ объятяхъ молодой супруги.

Сквозь оконъ скважины порой
Проникнувъ, молнія пылаетъ
И брачный одръ во тьмѣ ночной
Съ четой лежащей освѣщаетъ.
Бушуя, ставнями стучитъ
И свищетъ въ щели вѣтръ порывный;
По кровлѣ градъ и дождь шумитъ,
И громъ гремитъ безперерывный.

Князь спитъ покойно... Тихо вставъ
Рогнѣда свѣточь зажигаетъ,
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечь тяжкій со стѣны снимаетъ...
Идетъ... стоитъ... ступила вновь...
Едва дыханье переводитъ...
Въ ней то кипитъ, то стынетъ кровь...
Но вотъ... къ одру она подходитъ...

Ужь поднятъ мечь!... вдругъ грянулъ [громъ,
Потрясся теремъ озаренный —
И Князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ, трескомъ пробужденный —
И предъ собой Рогнѣду зритъ...
Ея глаза огнемъ пылаютъ...
Поднятый мечь и грозный видъ
Преступницу изобличаютъ...

Мечь выхвативъ, ей Князь вскричалъ:
„На что дерзнула въ изсрупленьи?“...
— „На то, что мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ — на мщенье!“ —
„Но долгъ супруги, но любовь?“...
— „Любовь! къ кому?. . къ тебѣ, гу-
[битель?...
Забылъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забылъ ты, кѣмъ убитъ родитель!...

„Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!
Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ развалинъ въ груду.

„Но, недовольный... местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ роднаго края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...
И чтожъ?... еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!...

„Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владиміра покрывшихъ славой!
Но черезъ нихъ ли пріобрѣлъ
Ты на любовь Рогнѣды право?...
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги! не роптала я
На васъ въ злощастіяхъ донынѣ!...

„Впервые днесь ропщу!... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы!
И совершить достойной тризны!
Съ какою-бъ жадностію я
На брызжущую кровъ глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла!“...

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину стражу призываетъ.
„Ждетъ смерть, преступница, тебя!
„Пылая гнѣвомъ восклицаетъ.
Съ зарей готова къ казни будь!
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха!
На немъ пронжу твою я грудь,
Безъ сожалѣнія и страха!“

Сказалъ — и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ разпространился —
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился...
Бѣгутъ къ Княгинѣ, слезы льютъ;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя въ младыя перси бьютъ
И бѣлыя ломаютъ руки...

Въ тревогѣ все... лишь Изяславъ
Въ объятьяхъ сна, съ улыбкой нѣжной,
Лежитъ, покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежной.
Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ невинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачь, ни стонъ
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремѣть ужъ громъ;
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на Востокѣ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ,
Ждала Рогнѣда, безъ боязни,
На изукрашенномъ одрѣ,
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый —
И входитъ съ витязями Князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый
„Подайте мечь!“ воскликнулъ онъ —
И раздалось вездѣ рыданье;
„Пусть каждаго страшитъ законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!“

И быстро въ храмину вбѣжавъ:
„Вотъ мечь! коль не отецъ ты нынѣ,
Убей!“ вѣщаетъ Изяславъ —
Убей, жестокій, мать при сынѣ!“
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ,
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ...

Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье...
Но вдругъ, съ слезами изъ очей —
Изъ сердца вырвалось: прощенье!

VI.

БОЯНЪ.

Сочинитель извѣстнаго Слова о полку Игореве называетъ Бояна: Соловьемъ стараго времени. Неизвѣстно, когда жилъ сей Славянскій Бардъ. Н. М. Карамзинъ въ Пантеонѣ Росс. Авторовъ, говоритъ о немъ такъ: „Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена Героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавта къ Царю граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенѣговъ; или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ.“ — Не менѣе правдоподобно, что Боянъ былъ пѣвцомъ подвиговъ Великаго Владиміра и знаменитыхъ его сподвижниковъ: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательномъ Дворѣ Сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: ихъ привлекали великолѣпныя пиршества, Богатырскія потѣхи и

привѣтливость добраго Князя; а славныя побѣды надъ Греками, Ляхами, Печенѣгами, Ятвягами и Болгарами могли воспламенить духъ Піитизма въ сихъ дикихъ сынахъ Сѣвера. И грубые Норманы услаждали слухъ свой пѣснями Скальдовъ.

БОЯНЪ.

На брегъ Днѣпра, разбивъ Болгаръ,
Владиміръ-солнце возвратился,
И въ свѣтлой гридницѣ, въ кругу [Князей, Бояръ,
На шумномъ пиршествѣ съ друзями [веселился...

Медъ, въ старикахъ воспламенивши [кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу-любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость.

Безпечнѣе веселый кругъ шумѣлъ,
Звучнѣе гусли раздавались.
Одинъ задумчиво Боянъ сидѣлъ;
Въ немъ думы думами смѣнялись...

„Какое зрѣлище мой видитъ взоръ! —
Мечталъ пѣвецъ унылый:
Бояръ, Князей и Витязей соборъ,
И Государь народу милый!

Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменныя Державы,
И служитъ, трепеща, завистливый со-
[сѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ
[славы.

Ихъ имянами всѣ мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый день изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ...

И я, дивяся ихъ дѣламъ,
Пѣлъ Витязей — и сонмы умолкали,
И персты вѣщіе, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

Но, можетъ быть, времянъ губитель-
[ныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубитъ въ безднѣ
[лѣтъ,
И будетъ Русь пространною моги-
[лой!...

И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться,

Забудутъ Витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будегъ ожив-
[ляться.

Ахъ, такъ — предчувствую: Бояна
[вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной ночи
[часъ
Межь горъ, умолкнетъ невозвратно...

По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный;
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ
[умчитъ,
И звучныя порвутся струны!

Но отлети скорѣй
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды — жить хоть имянемъ въ
[преданьѣ.

VII.

МСТИСЛАВЪ УДАЛЫЙ.

Мстиславъ, сынъ Владиміра Великаго, былъ удѣльный Князь Тмутараканскій. Столица сего Княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на островѣ Тамани, который образуютъ рукава рѣки Кубани, при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ жили Косоги, племя Горскихъ Черкесовъ. Въ 1022 году Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь Косожскій, Редедя, крѣпкотѣлый великанъ, по обычаю богатырскихъ временъ, предложилъ ему рѣшить распрю единоборствомъ. Мстиславъ согласился. Произошелъ бой: Тмутараканскій Князь повергъ врага и умертвилъ его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Онъ умеръ около 1036 года. Лѣтописи называютъ его Удалымъ.

МСТИСЛАВЪ УДАЛЫЙ.

Какъ тучи съ горъ текли Косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужь звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужь храбрый Князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редедя,
Племенъ Косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталъ, какъ сосна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

„Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!“

„Готовъ!“ — Князь Русскій воскли-
цаетъ —
И грозный сталъ передъ бойцомъ,
Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
Удалый, яснымъ соколомъ.
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могущъ и Князь и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... колеблется курганъ!...

Стоятъ — и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крушатся... прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ...
Хранятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ:
Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость или страхъ.

То Русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба Косога:
„О! помоги, Всевышній, намъ!“
И вотъ Князья, напрягши силы
Другъ друга ломятъ, льется потъ...
На нихъ, какъ верви, вздулись жилы:
Колеблется и сей, и тотъ...

Глаза, налившись кровью, блещутъ,
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ — Мстиславъ изнемогаетъ —
Онъ падаетъ!.. конецъ борьбѣ...
„Святая Дѣва!“ — восклицаетъ:
„Я храмъ сооружу тебѣ!“...

И сила дивная мгновенно
Влилася въ Князя... онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ — и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечь извлекъ,
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

VIII.

МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

Несчастный Михаилъ сынъ Тверскаго Князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) долженъ былъ вступить на Великокняжескій престолъ; но племянникъ его, Георгіи Даниловичь, Князь Московскій, началъ оспоривать у него сіе право. Россія находилась тогда подъ владычествомъ Моголовъ: оба Князя отправились въ Орду, и Ханъ (Тохта) утвердилъ Михаила. Болѣе десяти лѣтъ протекло мирно; но злоба не угасла въ сердцѣ Георгія; онъ не пропускалъ случая вредить Михаилу. Между тѣмъ Тохта умеръ (1312 г.); ему наслѣдовалъ сынъ его, Узбекъ. Несогласія Князей возобновились, и Георгія призвали въ Орду (1315 г.). Цѣлые три года онъ раболѣбствовалъ передъ Узбекомъ, дарами и происками спискалъ себѣ милостивое расположеніе и, въ довершеніе всего, женился на сестрѣ его Кончакѣ (1318 г.). Ханъ наименовалъ Георгія старѣйшимъ изъ Князей Русскихъ и

далъ ему войско. Михаилъ выступилъ къ нему на встрѣчу, сразился и одержалъ побѣду: Татарскій полководецъ Кавгадый и супруга Георгія впали въ плѣнъ; послѣдняя умерла скоропостижно въ Твери. Раздраженный Узбекъ призвалъ Михаила въ Орду, жестоко истязалъ его и наконецъ велѣлъ лишить жизни. Церковь причла сего Князя-страдальца къ лику Св. Мучениковъ.

МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

За Узбекомъ въ слѣдъ влекомый
    Кавгадыемъ Михаилъ,
Въ край чужой и незнакомый
    Съ сыномъ юношей вступилъ
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
    Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
    Изъ-за сизыхъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
    На степи, въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою;
    Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
    Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
    Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
    Любопытные толпой:
„Это Князь былъ!“ говорили,
    И качали головой.
„Онъ обширными странами,
    Какъ Узбекъ пашъ, обладалъ;
Онъ съ отважными полками
    Кавгадыя поражалъ!...“

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
    Загрустилъ сильнѣе Князь;
Вспомнилъ славу — и впервыя
    Слезы брызнули изъ глазъ.
„До какого униженья,“
    Онъ мечталъ, потупя взоръ,
„Довели насъ заблужденья
    И погибельный раздоръ!

„Тѣ, которыхъ трепетали
    Хитрый Грекъ и храбрый Ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
    И предъ Ханомъ пали въ прахъ!
Я любилъ страну родную
    И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую:
    Распри злобныя Князей.

„О Георгій! ты виною,
Ты одинъ тому виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И Татаръ толпы навлекъ!

„Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть —
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!
Такъ, правъ чести не нарушу;
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной!

„Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ слетался съ ней.
Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
И Узбека грозный мечь!“ —

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ,
И спокойный, но угрюмой,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ.
Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младый Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный.
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ Царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ Иконою Святою
Михаилъ Псаломъ читалъ:
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ Княжескій вбѣжалъ...

Въ слѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...
Ворвалися — и напали...
Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь изъ язвъ лилась струею...
    И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
    Вырвалъ дикій Романецъ
Князь скончался жертвой мщенья!
    Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
    Церковь празднуетъ Святымъ.

IX.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Подвиги Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго извѣстны всякому Рускому. Онъ былъ сынъ Великаго Князя Московскаго Іоанна Іоанновича, родился въ 1350 году, Великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Россіею Золотая или Сарайская Орда въ его время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ Князей Татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожнаго Хана. Недовольный Великимъ Княземъ, Мамай отправилъ (въ 1378 г.) мурзу Бегича со множествомъ Татарскаго войска. — Ополченіе Димитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Волгѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ, двинулся съ ними къ предѣламъ Россіи; Димитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣчкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ); бой былъ жестокій и борьба ужасная

(8 Сентября 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь Русскихъ мѣшалась съ Татарскую. Наконецъ Мамай предался бѣгству и Димитрій восторжествовалъ. Сія знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его Донскимъ. Димитрій умеръ въ 1389 году.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОИ.

„Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ Ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

„Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда! за Донъ!... Настало время!
Надежда наша — Богъ и мечь!
Сразимъ Моголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечь!“

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
— Къ врагамъ! за Донъ! вскричали [войски,
За вольность, правду и законъ! —
И повторяя кликъ геройскій,
За Княземъ ринулися въ Донъ.

Несутся полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ какъ соколы — и стяги
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки,
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши блестятъ.
Идутъ, какъ мрачныя дубравы —
И вторятъ степи гулъ глухой;
Идутъ... тамъ Ханъ, здѣсь чада славы —
И закипѣлъ кровавыи бой!...

„Богъ намъ прибѣжище и сила!“
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ,
„Умремъ, когда судьба судила!“ —
И первый грянулъ на враговъ.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли,
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагровѣлъ долъ:
Тамъ Русской пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный Моголъ,
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечь о мечь.
Летятъ отсѣченныя руки,
И головы катятся съ плечь.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ
Лежитъ, низвергнувъ великана
Отважный Инокъ Пересвѣтъ.
Тамъ Бѣлозерскій Князь и чада,
Достойныя его любви,
И окрестъ ихъ Татаръ громада,
Въ своей потопшая крови.

Ужь многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ.
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ:
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы,
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались — отъ кургана
Промчалось, „Силенъ Русскій Богъ!“ —
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!
Помчался Ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ Русской рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ!...

Но кто тамъ блѣденъ, близь дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... Первоначальникъ славы,*)
Димитрій раненъ... страшный видъ!...
Уже-ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенящему Герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

---

*) Выраженіе Лѣтописца.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ. „Ты побѣдилъ! востань!“ —
И Князь, воздѣвши къ Небу длани:
— „Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ! речетъ, къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ;
Ему вся слава грозной битвы;
Онъ, Онъ одинъ прославилъ насъ!“

X.

ГЛИНСКІЙ.

Князь Михаилъ Львовичь Глинскій, нѣкогда знатный и богатый Литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ Татарскаго Князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена В. К. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ Императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость Короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.). Зигизмундъ сдѣлался Королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ Панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще, съ двумя братьями, передался Вел. Князю Московскому Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ Воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Вел. Князь обѣщалъ его сдѣлать Владѣтелемъ сего Княжества; но не сдер-

жалъ слова. Глинскій вошелъ въ переписку съ Зигизмундомъ и намѣренъ былъ ему передаться: его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вел. Князь женился на его племянницѣ, Княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василія. Черезъ годъ, Царица выпросила своему дядѣ прощеніе (1527 г.) и Кн. Глинскій пришелъ еще въ большую силу. По кончинѣ Вел. Князя, Елена сдѣлалась Правительницею Государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ Членовъ Думы: нескромная слабость племянницы къ любимцу ея, Князю Телепневу Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованіе: онъ сталъ дѣлать ей увѣщанія и подпалъ гнѣву; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 г.).

ГЛИНСКІЙ.

Подъ сводомъ обширнымъ темницы под-
[земной,
Куда лучь привѣтный отрадныхъ
[свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области
[темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мер-
[цая, бродилъ,
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ
[имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью
[чело
Спадали кудрями, віясь въ безпорядкѣ:
Страданье на Глинскомъ бразды
[провело...

Сидѣлъ онъ склоненный на длань главою,
Угрюмою думой въ минувшемъ ле-
[талъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва-отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ пре-
[зрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣ-
[нила
Могильная мрачность темницы
[сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная
[скрыла
И жизни зарю молодой.

„О, долго ли будешь стоная лишь слезы?
Рекла она нѣжно, печали забудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой
[жизни
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ от-
[чизны
Ты счастливо кончишь въ тиши.“

— „На лонѣ отчизны! воскликнулъ из-
[мѣнникъ, —
Не мнѣ утѣшаться надеждою сей:
Страшась угрызеній, стенающій плѣн-
[никъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ
[о ней.
Могу-ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

„Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ,
[иль грознымъ въ войнѣ:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все съ щедростью было низпослано
[мнѣ;
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный ки-
[пѣлъ...
Вдругъ поднялись тучей на Польшу со-
[сѣды —
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

„Могольскія Орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу бое-
[вомъ —

И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ [врагомъ;
И въ пепелъ деревни и пышные грады;
И буйный Татаринъ въ крови уто- [палъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады —
Мечь жадный надъ всѣми сверкалъ.

„Встревоженъ невзгодой, я къ хищ- [нымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался [грозой,
Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины:
Литвинъ и Татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины —
И гордый Моголъ побѣжалъ.

„Боролся съ кончиной властитель дер- [жавной;
Тревогой и плачемъ наполненъ дво- [рецъ —
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался [гонецъ.

Чело Александра веселость покрыла:
„Когда торжествуетъ родная страна,
Онъ рекъ предстоящимъ, тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!“

„Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру [надменный,
Не могъ укротить я волненья стра- [стей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ [враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой [мечей.
Погибъ онъ — и други мнѣ стали вра- [гами
И, преданъ душею лишь мести [одной,
Дерзнулъ я внестися съ чужими пол- [ками
Въ отчизну свирѣпой войной.

О мука! о совѣсть — тиранъ неотступ- [ной!...
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайной гласъ сердца изъ длани пре- [ступной;
Въ часъ битвы, изторгнуть меча [не могли!

Среди раздраженныхъ, пылающихъ [мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душей Мо- [сквитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ пре- [ступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!...

„Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ [на равнинѣ
Разтерзанныхъ трупы и груды [костей;
Душа предалася невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ [очей.
Не въ пору позналъ я тоску престу- [пленья!
Вся гнусность измѣны представи- [лась мнѣ;
Молилъ Зигизмунда проступкамъ заб- [венья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

„Но Геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И Русскій властитель, смущенный и [гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ:

Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дядю Царицы опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

„Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей [хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ [ко мнѣ:
Тоскую угрюмый въ душѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой [странѣ.
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ си- [лахъ,
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ [мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ [жилахъ,
И смерти ужь близится часъ.

„О дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть [чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно [вдали!

Свободный народъ нашъ, дѣяньями сла-
[вной,
Издавна извѣстный въ далекихъ
[краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ свое-
[нравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

„Край милый увидишь — и сердца
[утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облег-
[чишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны —
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

„Пусть рокъ мой — исполненъ тоской
[и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизны
[моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмще-
[ньемъ,
Итти не посмѣетъ стезею страстей!

Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано, иль поздно — измѣнѣ [взгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья,
И совѣсть отъ сна пробудятъ!“ —

Несчастный умолкнулъ съ душевной [тоскою:
Вдругъ стонъ по темницѣ — и [Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою
И холодъ кончины его оковалъ!...
Такъ Глинскій — мужъ Думы и пла- [менный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный [злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ [достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

XI.

КУРБСКІЙ.

Князь Андрей Михаиловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ Казанскомъ походѣ, при отраженій Крымцевъ отъ Тулы (1552) и въ войнѣ Ливонской (1560 г.) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца, Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить Отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Зигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье Княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ Отечество, предводительствовалъ Поляками во время ихъ войны съ Россіею и возбуждалъ противъ нее Хана Крымскаго. Онъ умеръ въ Полшѣ. Предъ

смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ Отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ, въ Польшѣ, вторично женился на Княгинѣ Дубровицкой, съ которою Король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литтературными своими трудами: онъ описалъ жестокости Царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бѣседы Златоустаго на Дѣянія Св. Апостолъ. Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію.

КУРБСКІЙ.

На камнѣ мшистомъ въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ Князь Курбскій, вожль младой,
Въ литвѣ враждебной грустный стран-
[никъ,
Позоръ и слава Русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ Россіянъ,
Гроза Ливонцевъ, бичь Казани...

Сидѣлъ — и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
„Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой“,
Сказалъ онъ, покачавъ главой —
„Я долженъ вѣкъ вести унылой.

Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной.

„Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ;
Но, ахъ! ни почести велики
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки.
Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь въ думы...

„И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожитъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ мно-
[житъ...
Увы! злымъ рокомъ я лишенъ
Семьи, отечества драгова.
Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
Искать въ странѣ чужой покрова.

XII.

СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Подъ словомъ Сибирь разумѣется нынѣ неизмѣримое пространство отъ хребта Уральскаго до береговъ Восточнаго Океана. Нѣкогда Сибирскимъ Царствомъ называлось небольшое Татарское владѣніе, коего столица, Искеръ, находилась на рѣкѣ Иртышѣ, впадающей въ Объ. Въ половинѣ XVI вѣка сіе Царство зависѣло отъ Россіи. Въ 1569 году Царь Кучумъ былъ принятъ подъ руку Іоанна грознаго и обязался платить дань. Между тѣмъ Сибирскіе Татары, и подвластные имъ Остяки и Богуличи, вторгались иногда въ Пермскія области. Это заставило Россійское Правительство обратить вниманіе на обезпеченіе сихъ украйнъ укрѣпленными мѣстами и умноженіемъ въ нихъ народонаселенія. Богатые въ то время купцы Строгоновы получили во владѣніе обширныя пустыни на предѣлахъ Перміи: имъ дано было право заселить ихъ и обработать. Сзывая вольницу, сіи дѣятельные помѣщики обра-

тились къ Казакамъ, кои, не признавая надъ собою никакой верховной власти, грабили на Волгѣ промышленниковъ и купеческіе караваны. Лѣтомъ 1579 года 540 сихъ удальцевъ пришли на берега Камы; предводителей у нихъ было пятеро, главный назывался Ермакъ Тимофеевъ. Строгоновы присоединили къ нимъ 300 человѣкъ разныхъ всельниковъ, снабдили ихъ порохомъ, свинцомъ и другими припасами, и отправили за Уральскія горы (въ 1581 г.). Въ теченіи слѣдующаго года Казаки разбили Татаръ во многихъ сраженіяхъ, взяли Искеръ, плѣнили Кучумова племянника, Царевича Маметкула, и около трехъ лѣтъ господствовали въ Сибири. Между тѣмъ число ихъ мало по малу уменшалось; много погибло отъ оплошности. Сверженный Кучумъ бѣжалъ въ Киргизскія степи и замышлялъ способы истребить Казаковъ. Въ одну темную ночь (5 Августа 1584 г.), при сильномъ, дождѣ, онъ учинилъ неожиданное нападеніе: Казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силѣ и незапности удара. Не имѣя средствъ къ

спасенію, кромѣ бѣгства, Ермакъ бросился въ Иртышь, въ намѣреніи переплыть на другую сторону, и погибъ въ волнахъ. Лѣтописцы представляютъ сего Казака Героя крѣпкотѣлымъ, осанистымъ и широкоплечимъ; онъ былъ роста средняго, имѣлъ плоское лице, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Сибирь была оставлена Россіянами; потомъ пришли Царскія войска и снова завладѣли ею. Въ теченіи XVII вѣка безпрерывныя завоеванія разныхъ удальцовъ-предводителей отнесли предѣлы Россійскаго Государства къ берегамъ Восточнаго Океана.

СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали, близъ дубравы.
„О, спите, спите“ — мнилъ Герой,
„Друзья, подъ бурею ревущей;
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій!

Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ, злато добывая:
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая?

„Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны —
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь Царю покорена,
И мы — не праздно въ мірѣ жили!“ —

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ Героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря — дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ,
Вздымалися сѣдыя волны,
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ, козачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ Героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать пре-
Прокрался тайною тропой, [зрѣнный,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ —
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй —
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... ужъ близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь — даръ Царя,
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла бура... вдругъ луной
Иртышь кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

XIII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ является въ Исторіи съ 1570 года: тогда онъ былъ Царскимъ оруженосцемъ. Возвышаясь постепенно, Годуновъ сдѣлался Бояриномъ и Конюшимъ: титла важныя при прежнемъ Дворѣ Россійскомъ. Сынъ Іоанна Грознаго, Царь Ѳеодоръ, сочетался бракомъ съ его сестрою, Ириною Ѳеодоровною. Тогда Годуновъ пришелъ въ неограниченную силу; онъ имѣлъ столь великое вліяніе на управленіе Государствомъ, что Иностранныя Державы признавали его Соправителемъ сего кроткаго, слабодушнаго Монарха. По кончинѣ Ѳеодора Іоанновича (1598 г.), Духовенство, Государственные Чины и Повѣренные народа избрали Годунова Царемъ. Правленіе его продолжалось около осьми лѣтъ. Въ сіе время Годуновъ старался загладить непріятное впечатлѣніе, какое оставили въ народѣ прежніе честолюбивые и хитрые его виды; между прочимъ ему приписывали отдаленіе

отъ Двора родственниковъ Царской фамиліи (Нагихъ, Кн. Сицкихъ и Романовыхъ) и умерщвленіе малолѣтняго Царевича Димитрія, брата Царя Ѳеодора, въ 1591 году, погибшаго въ Угличѣ. Годуновъ расточалъ награды царедворцамъ, благотворилъ народу и всѣми мѣрами старался пріобрѣсти общественную любовь и довѣренность. Между тѣмъ явился ложный Димитрій, къ нему пристало множество приверженцевъ и Государству угрожала опасность Въ сіе время (1605 г.) Годуновъ умерь незапно; полагаютъ, что онъ отравился. Историки несогласны въ сужденіяхъ о Годуновѣ: одни ставять его на ряду Государей великихъ, хвалятъ добрыя дѣла и забываютъ о честолюбивыхъ его происках; другіе — многочисленнѣйшіе — называютъ его преступнымъ, тираномъ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль бреговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ: одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стенящій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучь блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно бле-
[щетъ,
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна.
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало!...

Онъ тщетно звалъ, его въ ночной тиши:
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный [сонъ,
Тревожной оживлялось думой —
И трепету невольно преданъ онъ,
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достичь пылая трона, [гласъ,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
„О заблужденіе!“ онъ возопилъ:
„Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!

„Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки [благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и села;
Полезному открою всѣ пути,
И позвеличу блескъ престола

„Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю — но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.

„Вездѣ, какъ неотступный стражъ за [мной,
Какъ злой, неумолимый геній, [рой
Влачится въ слѣдъ — и шепчетъ мнѣ по-
Невнятно повѣсть преступленій!...
—Ахъ! удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья! —

„Взываю я — но тщетны всѣ мольбы,
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ Судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное съ души пятно
И кровь Царевича святую!

„Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

„О такъ! хоть станутъ проклинать во [мнѣ
Убійцу отрока Святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова.“ —
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока, [кровъ
Творилъ добро, былъ подданнымъ по-
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ — и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья —
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и проклятья!...

XIV.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Читавшимъ Отечественную Исторію извѣстенъ странный Лжедимитрій — Григорій Отрепьевъ. Повѣствуютъ, что онъ происходилъ изъ сословія дѣтей Боярскихъ, нѣсколько лѣтъ находился въ Чудовѣ монастырѣ Іеродьякономъ и былъ келейникомъ у Патріарха Іова. За безпорядочное поведеніе Отрепьевъ заслуживалъ наказаніе; онъ желалъ избѣжать сего и предался бѣгству Долго скитаясь внутри Россіи и переходя изъ монастыря въ монастырь, наконецъ выѣхалъ въ Польшу. Тамъ онъ замыслилъ выдать себя Царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, который умерщвленъ былъ (въ 1591 г) въ Угличѣ — какъ говорили — по проискамъ властолюбиваго Годунова. Онъ началъ разглашать выдуманныя имъ обстоятельства мнимаго своего спасенія, приклекъ къ себѣ толпу легковѣрныхъ, и съ помощію Сендомирскаго Воеводы, Юрія Мнишка, вторгся въ отечество вооруженною рукою. Странное стеченіе

обстоятельствъ благопріятствовало Отрепьеву: Гудоновъ умеръ незапно, и на престолѣ Россійскомъ возсѣлъ самозванецъ (1605 г) Но торжество Отрепьева было не долговременно: явная преданность Католицизму и терпимость Іезуитовъ сдѣлало его ненавистнымъ въ народѣ; а развратное поведеніе и дурное правленіе ускорили его паденіе. Князь Василій Шуйскій (въ 1606 г.) прозивелъ заговоръ, возникло народное возмущеніе — и Лжедимитрія не стало. Явленіе сего Самозванца, быстрые его успѣхи и странное стеченіе обстоятельствъ того времени составляютъ важную загадку въ нашей исторіи.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?
Дыбомъ чорный волосъ всталъ?
Онъ страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!...
Вотъ идетъ... стоитъ... трепещетъ...
Быстро бросился назадъ;
И, какъ злой преступникъ, мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ!

Не убійца-ль сокровенной,
За Москву и за народъ,
Надъ стезею потаенной
Самозванца стережетъ?
Вотъ къ окну оборотился;
Вдругъ луны сребристый лучь
На чело къ нему скатился
Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучь.

Что я зрю? То хищникъ власти
Лжедимитрій тамъ стоитъ;
На лицѣ пылаютъ страсти;
Трепеща онъ говоритъ:
„Тамъ въ чертогахъ кто-то бродитъ —
„Шорохъ — заскрыпѣла дверь!...
„И вотъ призракъ чей-то входитъ...
„Это ты — Бориса дщерь!...

„О, молю! избавь отъ взгляда...
„Укоризною горя,
„Онъ вселяетъ муки ада
„Въ грудь преступнаго Царя!...
„Но изчезла у порога —
„Это ктожъ мелькнулъ и сталъ,
„Притаясь въ углу чертога...
„Это Шуйской!... Я пропалъ!“...

•

Такъ страдалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ;
Проступалъ безперестанно
Потъ холодной на челѣ. —
„Но укроюсь я отъ мщенья!“ —
Онъ не внятно прошепталъ —
„Для тирана нѣтъ спасенья;
„Другъ ему — одинъ кинжалъ!

„На престолѣ, иль на ложѣ,
„Иль въ толпѣ, на площади,
„Рано, поздно ли, но все же
„Быть ему въ моей груди!
„Прекращу свой вѣкъ постылый;
„Мнѣ наскучило страдать
„Во дворцѣ. какъ средь могилы,
„И убійцу нажидать.“ —

Сталь занесъ — она сверкнула —
И преступный задрожалъ,
Смерть тирана ужаснула:
Выпалъ поднятый кинжалъ.
„Не настало еще время;“
Простоналъ онъ — „но придетъ —
„И несносной жизни бремя
„Тяжкой ношею спадетъ.“ —

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
„Что свершить рѣшился я?“ —
Онъ воскликнулъ ужаснувшись —
„Нѣтъ! не погублю себя.
„Завтражъ, завтра все разрушу,
„Завтра хлынетъ кровь рѣкой —
„И встревоженную душу
„Вновь порадуетъ покой!

„Вмѣсто праотцевъ закона
„Я введу законъ Римлянъ;
„Грозной местью гряну съ трона
„Въ подозрительныхъ гражданъ
„И твоя падетъ на плахѣ,
„Буйный Шуйской, голова!
„И дымясь въ крови и прахѣ,
„Затрепещешь ты, Москва!“

Смолкъ. — Преступныя надежды
Удалили страхъ — и онъ
Легъ на пышный одръ — и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица...

Побѣжалъ и зритъ у входа:
Изо всѣхъ Кремлевскихъ вратъ,
Волны шумныя народа
Ко дворцу, стремясь, кипятъ.
Вотъ приближились, напали;
Храбрый Шуйскій впереди —
И Сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

„Все погибло! нѣтъ спасенья,
„Смерть прибѣжище одно!“
Рекъ тиранъ... еще мгновенье —
И бросается въ окно!
Палъ на камни, и при стукахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

XV.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

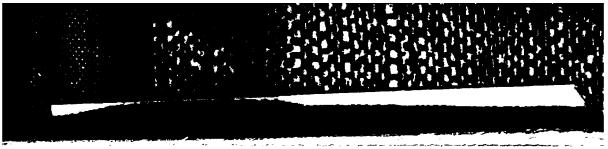
Въ исходѣ 1612 года, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, послѣдняя отрасль Рюриковой Династіи, скрывался въ Костромской области. Въ то время Москву занимали Поляки: сіи пришельцы хотѣли утвердить на Россійскомъ престолѣ Царевича Владислава, сына Короля ихъ Зигизмунда III. Одинъ отрядъ проникнулъ въ Костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убѣжища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу будущаго Вѣнценосца Россіи. Какъ вѣрный сынъ Отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь. Онъ повелъ Поляковъ въ противную сторону и извѣстилъ Михаила объ опасности, бывшіе съ нимъ успѣли увезти его. Раздраженные Поляки убили Сусанина. По возшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (въ

1613), потомству Сусанина дана была жалованная Грамота на участокъ земли при селѣ Домнинѣ; ее подтверждали и послѣдующіе Государи.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

„Куда ты ведешъ насъ?... не видно [ни зги!“
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги.
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугроби- [нахъ снѣга;
Намъ знать ни добраться съ тобой до [ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга [бушуетъ:
Но смерти отъ Ляховъ вашъ Царь не [минуетъ!...
Ведижъ насъ — такъ будетъ тебѣ за [труды:
Иль бойся: не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ [мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за [елью?“ —



— „Деревня!“ — Сарматамъ въ отвѣтъ
[мужичокъ:
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите — не бойтесь!“ — „Ну, то-то,
[Москалъ!...
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывалъ ночи,
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки
[сухой!“
Вошедъ, проворчалъ такъ Сарматъ мо-
[лодой.
„Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, из-
[зябли!
Скорѣй!... не заставь насъ принятся
[за сабли!“

Вотъ скатерть простая на столъ постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И Русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими
[ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

Давно ужь заполночь!... Сномъ крѣп-
[кимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ Сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ по-
[кой;
Одинъ, на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой
Въ пол-голоса молитъ въ углу у Иконы
Царю молодому Святой обороны!...

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ
[верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тай-
[комъ...
„Ты-лъ это, родимый?... А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь!... а вѣтеръ еще не затихъ;
Наводишь тоску лишь на сердце род-
[ныхъ!“

— „Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому
[дому,
Мой сынъ, поспѣшай же къ Царю мо-
[лодому;
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые Ляхи. по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!

„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ Царя,
Любовью къ отчизнѣ и Вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь [побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.“
„Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя Ляхи... Что будетъ со [мной?

„И съ юной сестрею и съ матерью [хилой?“
— „Творецъ защититъ васъ Святой своей [силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ си- [ротамъ.
Прощай-же, о сынъ мой, намъ, доброго [время;
И помни: я гибну за Русское племя!“ —

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ, и помчался свистящей стрѣ- [лой.
Луна, между тѣмъ, совершила полъ- [круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула [вьюга.

На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись Сарматы — злодѣи Царя.

„Сусанинъ!“ вскричали, „что молишься [Богу?
Теперь ужь не время — пора намъ [въ дорогу!“ —
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной [тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро на- [стало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ [мороза.
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, [прошуметъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за другомъ идутъ въ молчаньѣ [Сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужь солнце высоко сіяетъ съ небесъ:

Все глуше и диче становится лѣсъ!
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ [ними;
И сосны, и ели вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво, и [глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“ — Ляхъ ста- [рый вскричалъ.
— „Туда, куда нужно!“ — Сусанинъ [сказалъ.

— „Убейте! замучьте! — моя здѣсь [могила!
Но знайте, и рвитесь: — я спасъ Ми- [хаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младен- [чества любитъ,
И душу измѣной свою не погубитъ!“ —

„Злодѣй!“ закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“ — „Не страшенъ [вашъ гнѣвъ!

Кто Русской по сердцу, тотъ бодро и [смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за Царя и за Русь!“

— „Умри же! „Сарматы Герою вскри- [чали —
И сабли надъ старцемъ, свистя засвер- [кали!
— Погибни, предатель! Конецъ твой [насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ [упалъ!
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обаг- [рила:
Она для Россіи спасла Михаила!

XVI.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Зиновій (Богданъ) Хмѣльницкій, сынъ Чигиринскаго Сотника, воспитывался въ Кіевѣ и кончилъ ученіе у Іезуитовъ, въ Польскомъ городѣ Ярославцѣ. Въ Исторіи онъ становится извѣстенъ съ 1620 года. Въ сраженіи при Цецорѣ Турки взяли его въ плѣнъ и держали въ неволѣ два года. По возвращеніи своемъ Хмельницкій служилъ въ войскѣ Польскомъ; потомъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ селеній Субботовѣ, въ покоѣ Чигиринскій подстароста Чаплицкій, захватилъ селеніе, похитилъ у него подругу и высѣкъ плетьми малолѣтняго его сына. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву, жаловался; но не нашелъ управы. Тогда онъ поклялся отомстить всѣмъ Полякамъ. Въ 1647 году, въ Малороссіи вспыхнуло возмущеніе: Хмѣльницкій принялъ въ немъ дѣятельное участіе, поощрялъ недовольныхъ и умножалъ толпы ихъ. Дошло до явной войны. Хмѣльницкій выбранъ былъ Гетманомъ. Онъ вошелъ въ связи съ Крым-

цами, призвалъ ихъ на помощь и слишкомъ четыре года противостоялъ Полякамъ. Примѣчательны сраженія: на Желтой Водѣ, подъ Корсуномъ и при Берестечкѣ. Въ 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили съ Малороссіянами и Запорожскимъ войскомъ мирный договоръ подъ Бѣлою Церковію; но не смотря на сіе не упускали случая оскорблять ихъ. Сіи притѣсненія заставили Хмѣльницкаго просить Россійскаго Государя о принятіи его съ войскомъ въ подданство (1654 т.). Онъ умеръ въ Чигиринѣ 15 Августа 1657 года. За освобожденіе отчизны его прозвали Богданомъ, т. е. Богомъ дарованнымъ избавителемъ.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучь денницы
И ужасъ мѣста озарялъ, —
Въ цѣпяхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ:
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
„Такъ, такъ, — онъ думалъ — часъ [настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ!
На притѣснителей враговъ!

„Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей!
Позорныя разрушитъ цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

„Покроетъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обоймет.
А ты, пришлецъ иноплеменный;
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій! трепещи, злодѣй!

„За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все — и за сіи желѣзы
Тебя мое отмщенье ждетъ!...
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача!

„И долго, можетъ быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!“
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрыпомъ дверь отворена —
И входитъ, потупляя взоры,
Младая робкая жена.
„Кто ты? — Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ —
Оковы-ль снять?... о часъ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

„Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?“ —
„О, нѣтъ! — привѣтно произноситъ —
Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ, съ рукой, свободу въ даръ.“ —

„Жена Чаплицкаго!“ — „Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
И полюбила — и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь —
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!“ — „Я твой!“ — „Прими
[свой мечь!“ —

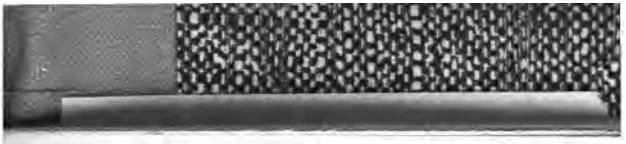
„Мой мечь!“ Хмѣльницкій воскли-
[цаетъ —
„Живъ Ботъ!... и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!“ —

Сребрила долъ Царица нощи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ,
Опѣнивъ удила — у рощи
Нетерпѣливый конь стоялъ.
Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ — и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся козаковъ. [цаетъ —
„Друзья! — онъ къ храбрымъ воскли-
За мной, чью грудь волнуетъ месть
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

„Самъ Богъ поборникъ угнетѣннымъ!
Вожди — рѣшительность и я?
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!“ —
И вотъ сошлися два народа
И съ яростью вступили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сарматъ, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и меткихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ Ангелъ мщенья,
Герой воздѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ!...

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ Украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.
И чтя посломъ небесъ желаннымъ
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-Героя — Богомъ даннымъ,
Народа общій гласъ назвалъ.



XVII.

АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.

Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 году. Въ правленіе Царя Алексѣя Михаиловича онъ отличился доблестями на поприщѣ военномъ и политическомъ: сражался съ Поляками, Шведами и Татарами, заключилъ договоръ о сдачѣ Смоленска (1056 года), убѣдилъ Запорожцевъ къ подданству Россіи и уничтожилъ невыгодный для нея Андрусовскій миръ (1667). Начальствуя надъ Посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ умѣлъ вселить въ другихъ Европейскихъ Дворахъ должное уваженіе къ Россіи. Въ его домѣ воспитывалась Наталія Кириловна Нарышкина, вторая супруга Царя Алексѣя Михайловича, отъ которой родился Петръ Великій. Въ послѣдствіи Государь возвелъ Матвѣева въ ближніе Бояре и оказывалъ ему особенную довѣренность и даже дружбу. Съ кончиною Царя Алексѣя Михайловича (въ 1667 г.) кончилось блистательное поприще Матвѣева: враги оклеветали

его и удалили отъ Двора. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ Верхотурье Воеводою; на дорогѣ настигъ его гонецъ и отвезъ въ отдаленный Пустозерскій острогъ Цѣлые семь лѣтъ Матвѣевъ пробылъ въ заточеніи. Наконецъ ему велѣно было ѣхать въ городъ Лухъ (Костромской Губерніи). Въ дорогѣ Матвѣевъ узналъ о кончинѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича и получилъ приглашеніе ко Двору воцарившихся Соправителей. Въ столицѣ ожидало его новое бѣдствіе: на четвертый день пріѣзда (15 Мая 1682) взбунтовались Стрѣльцы, и Матвѣевъ палъ жертвою преданности къ Государямъ. Любя добродѣтель, онъ уважалъ просвѣщеніе и науки; сочинилъ Россійскую Исторію; имѣлъ вкусъ къ изящнымъ искуствамъ: живописи, музыкѣ и драматическимъ представленіямъ. При немъ впервые стали извѣстны у насъ театральныя зрѣлища.

АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ Двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

„Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ:
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго Царя,
Народа Русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.“

„Для блага согражданъ моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный.
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.“

„Пускай передъ Царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ,
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій.“

„Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовыя.
Опалой Царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.“

„Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о Царѣ жалѣю.“

„На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О Государь! внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость.
Меня ты въ ссылку осудилъ
За толь, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О Царь! простилъ, какъ человѣка.“

„Близи трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для Царей труда!
Дѣяній ихъ судьей потомство.
Увы! его склонить не льзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ.
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.“

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

XVIII.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

въ

ОСТРОГОЖСКѢ.

Петръ Великій, по взятіи Азова (въ Августѣ 1696 года), прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ Татаръ. Онъ поднесъ Царю богатую Турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными каменьями, и на золотой цѣпи щитъ съ такими-жъ украшеніями. Въ то время Мазепа былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый Гетманъ умѣлъ вкрасться въ милость Петра. Монархъ почталъ его посѣщеніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

въ

ОСТРОГОЖСКѢ.

Въ пышномъ, Гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ Монарха Сердюки,
Судьи, Сотники толпою
И толпами козаки.

„Видѣнъ Промысла святова
Надъ Тобою дивный щитъ! —
Покорителью Азова
Старецъ бодрый говоритъ —
Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, Монархъ державной,
Непокорнаго врага.“

„Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ Ты всѣхъ Владыкъ,
Ты не блещущой порфирой,
Ты душой Своей великъ,
Чту я славою и честью
Быть врагомъ Твоимъ врагамъ,
И губительную местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ."

„Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ:
Но зазжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ Козакѣ.
Въ пылкомъ сердця жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ — бой кровакый;
Мнѣ музыка — стукъ мечей!"

Кончилъ — и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ, Гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ вередъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинной,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣжъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту Царь имѣлъ?
Гдѣ Герою вождь свирѣпой
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влилисъ;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разраслись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русской Крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣлъ,
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ —
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной.
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичной
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ дугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенной
Острогожскихъ козаковъ.

XIX.

ВОЛЫНСКІЙ.

Волынскій началъ поприще службы при Петрѣ Великомъ. Получивъ чинъ Генералъ-Маіора, онъ оставилъ военную службу и сдѣлался Дипломатомъ: ѣздилъ въ Персію въ качествѣ Министра, былъ вторымъ Посломъ на Немировскомъ Конгрессѣ и въ 1737 году пожалованъ въ Статсъ-Секретари. Манштейнъ изображаетъ его человѣкомъ обширнаго ума, но крайне искательнымъ, гордымъ и сварливымъ. Неосторожность погубила Волынскаго. Однажды, примѣтя холодность Императрицы Анны къ Герцогу Бирону, онъ рѣшился подать ей меморію, въ которой обвинялъ во многомъ Герцога и нѣкоторыхъ сильныхъ при Дворѣ особъ: ему хотѣлось отдалить ихъ. Узнавъ о семъ, жестокой Биронъ излилъ месть на Волынскаго: его отдали подъ судъ и приговороли къ смертной казни (въ 1739 году).

ВОЛЫНСКІЙ.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученникъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.

„Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани.
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья.

„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ прѣзрѣннаго тщеславья!

„Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ,
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
И забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ —
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи:
Онъ на него — какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи!

„И хоть падетъ — но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

„Вражда къ неправдѣ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Неправосудіе въ обломкахъ.“ —
Такъ сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ
Презрѣвъ и казнью, и Бирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ,
Всю правду высказать предъ трономъ.
Открылъ Царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Не долго вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы;
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Приникъ — и осѣнясь Крестомъ,
Сказалъ: „За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ... увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча —
И кровью освѣтилась плаха! —

Сыны отечества! въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика сына —
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ,
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ — желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью.

XX.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА.

Княгиня Наталія Борисовна, дочь Фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА.

Настала осени пора;
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикой, и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

„Свершится завтра жребій мой!
Раздастся колоколъ церковной —
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ!
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!“

„Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!“

„Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я отцвѣтала въ заточеньѣ:
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.“

„Все съ твердостью перенесла,
И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила —
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.“

„Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Неволь непроливала сладость.“

„Но завтра, завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной;
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ, —
И холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ,
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.“

„О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ.
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.“

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она кольцо поцѣловала
И, бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала:
„Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты перстень, перстень обручальной,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!“

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой...
Прости послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ келье.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной!

XXI.

ВИДѢНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

ВИДѢНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Свершилась казнь — и образецъ
Любви къ отечеству священной
Пріялъ страдальческій вѣнецъ,
Вѣнецъ чистѣйшій и нетленный.
Волынскій твердъ былъ до конца;
Неустрашенный мукой казни,
Онъ гордость важнаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечь
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ — глава упала съ плечь
И покатилась съ эшафота
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику
Торжествовали казнь героя.

Одна Царица лишь была
Омрачена печальной думой,
Какъ будто камнемъ залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ у ней веселье прочь!
И стала сна она бояться
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться.

Однажды пиръ гремѣлъ въ дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ,
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Тоской своей утомлена,
Она печальна и угрюма;
Царица въ тронную одна
Ушла украдкою безъ шума.

Увы! и рѣзвость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить хотя ошибкой.
„О гдѣ найду душѣ покой!“
Она въ раздумкѣ возопила.
И опершись на тронъ рукой.
Уныло голову склонила.

„И въ шумѣ пиршествъ и въ тиши
„Меня раскаянье терзаетъ;
„Оно изъ глубины души
„Волынскаго напоминаетъ!“ —
„Онъ здѣсь!“ — внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ;
Въ Царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ.

Она взглянула — передъ ней
Глава Волынскаго летала
И на нее изъ подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла.
Какъ огнь безплотный въ ночь горитъ,
Такъ очи смерти страшно блещутъ...
. . . . . .
. . . . . .

Вокругъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ пылаетъ,
И колыхаясь кровь порой
Полы чертога обагряетъ.
Рисуетъ каждая черта
Страдальца дивнаго отчизны
Вдругъ потемнѣвшія уста
Залепетали укоризны.

„Что медлишь ты! давно я жду
„Къ Творцу тебя на судъ священный,
„Гдѣ каждый воспріемлетъ мзду;
„Равны тамъ царь и рабъ презрѣнный!“
Окончивъ грозныя слова,
По прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ Царицу трепетную очи.

Шумъ музыки гремѣлъ еще,
Весельемъ наслаждались лица,
Всѣ ждали Анны, по вотще!
Рыдала въ ужасѣ Царица.
Изчесли радость, шумъ утихъ,
На царедворцахъ мракъ угрюмый,
И каждый глядя на другихъ,
Идетъ домой съ печальной думой.

XXII.

ДЕРЖАВИНЪ.

Державинъ родился 1743 года въ Казани. Онъ былъ воспитанъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а послѣ въ Казанской Гимназіи, въ 1760 записанъ былъ въ Инженерную школу, а въ слѣдующемъ году за успѣхи въ Математикѣ и за описаніе Болгарскихъ развалинъ переведенъ въ Гвардію въ чинѣ Поручика, отличился въ корпусѣ, посланномъ для усмиренія Пугачева. Въ 1777 году поступилъ въ статскую службу, а въ 1802 году пожалованъ былъ въ Министры Юстиціи. Скончался Іюля 6 дня 1816 года въ помѣстьѣ своемъ на берегу Волхова.

„Къ безсмертнымъ памятникамъ Ека„терININа вѣка принадлежатъ пѣснопѣ„нія Державина. . Громкія побѣды на „морѣ и сухомъ пути, покореніе двухъ „царствъ, униженіе гордости Оттоман„ской Порты, столь страшной для „Европейскихъ Государей, преобразо„ванія Имперіи, законы, гражданская „свобода, великолѣпныя торжества про-

„свѣщенія, тонкій вкусъ — все это было „сокровищемъ для генія Державина. „Онъ былъ Горацій своей Государини... „Державинъ, великій живописецъ... „Державинъ хвалитъ, укоряетъ и „учитъ... Онъ возвышаетъ духъ націи „и каждую минуту даетъ чувствовать „благородство своего духа“... говорятъ „Г. Мерзляковъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Съ деревъ валится желтый листъ,
Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ.
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещутъ волны въ берегъ съ шумомъ.
Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Примѣтно солнце догарало,
И на главахъ златымъ лучемъ,
Изъ тучь прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омраченъ,
Младый пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
Но вдругъ остановился онъ,
И заблисталъ огонь во взглядѣ:
„Что вижу я?... на сихъ брегахъ,
Онъ рекъ, для сѣвера священной
Державина-ль почіетъ прахъ
Въ обители уединенной“ —

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ съ удвоенной тоской
Сѣлъ у подножія гробницы;
И долго, молча, онъ сидѣлъ,
И мрачною тревожимъ думой,
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо.

Но вдругъ восторженный вѣщалъ:
„Что я напрасно здѣсь тоскую?
Нашъ дивный Бардъ не умиралъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

Онъ долгъ Пѣвца постигъ вполнѣ,
Онъ свитъ горѣлъ вѣнокъ нетлѣнной,
И былъ въ родной своей странѣ
Органомъ истины священной!
Вездѣ Пѣвецъ народныхъ благъ,
Вездѣ гонимыхъ оборона
И зла непримиримый врагъ,
Онъ такъ твердилъ любимцамъ трона:

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно!
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно —
Что онъ орудье Власти есть!
Всѣхъ Царственныхъ подпора зданій
Должны быть: польза, слава, честь
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній*).

О такъ! нѣтъ выше ничего
Предзначенія Поэта:
Святая правда — долгъ его;
Предметъ — полезнымъ быть дла свѣта.
Служитель избранный Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, высокій санъ Пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

Ему невѣдомъ низкій страхъ;
На смерть съ презрѣніемъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
Надъ нимъ кто будетъ властелинъ? —
Онъ добродѣтель свято цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.

---

*) См. Вельможа, соч. Державина.

Таковъ нашъ Бардъ Державинъ былъ.
Всю жизнь онъ вѣлъ борьбу съ порокомъ,
Судьямъ ли правду говорилъ — [комъ:
Онъ такъ гремѣлъ съ Святымъ Проро-
„Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять,
И свято сохранять законы.

„Вашъ долгъ несчастнымъ дать покровъ,
Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Изторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ“*.
Пѣвцу ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.

Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.

---

*) См. къ Властителямъ и Судіямъ его же.

Поклонникъ пламенный добра,
Ни чѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера —
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.

Творцу ли гимнъ святой звучитъ
Его восторженная лира —
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторятъ гимнъ народы міра.
О какъ удѣлъ Пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?

Ты правъ, Пѣвецъ: ты будешъ жить;
Ты памятникъ воздвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихорь быстротечный*). —
Пѣвецъ умолкъ — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось — и въ волненьѣ,
Вздохнувъ, онъ отходя вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленьѣ:

---

*) См. Памятникъ, подражаніе Державина Гораціевой Одѣ; „Exegi monumentum ære perennius.“

„О, пусть не буду въ гимнахъ я,
Какъ нашъ Державинъ, дивенъ, громокъ;
Лишь только-бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
„Царилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность!“

ОГЛАВЛЕНІЕ ДУМЪ.

I. Олегъ Вѣщій 3
II. Ольга при могилѣ Игоря . 9
III. Святославъ 15
IV. Святополкъ 23
V. Рогнѣда 27
VI. Боянъ 43
VII. Мстиславъ Удалый . . . 49
VIII. Михаилъ Тверской . . . 55
IX. Димитрій Донской . . . 63
X. Глинскій 71
XI. Курбскій 83
XII. Смерть Ермака 89
XIII. Борисъ Годуновъ 97
XIV. Димитрій Самозванецъ . . 105
XV. Иванъ Сусанинъ 113
XVI. Богданъ Хмѣльницкій . . 123
XVII. Артемонъ Матвѣевъ . . . 131
XVIII. Петръ Великій въ Острогожскѣ 139

XIX. Волынскій 145
XX. Наталія Долгорукова . . 152
XXI. Видѣніе Анны Іоанновны . 159
XXII. Державинъ 165

Наумбургъ, въ типографіи Г. Петца
(О. Гауталь).

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

AUG 28 1959

CANCELLED